

глаза. Затаив дыхание, жадно слушал он чудесные рассказы старины, про Тараса Бульбу и про отважного сына его Остапа.

— Вот повели Остапа на плаху, на казнь, — рассказывал отец притихшему Олегу, — и подошел к казаку палач. И так он Остапа пытал и мучил, что все, кто стоял на площади, не в силах были смотреть и отворачивались и закрывали глаза. Но ни одним стоном не показал Остап врагам, как трудно ему было да больно. А Тарас Бульба видел все: как терзают его сына и какой гордый стоял он перед врагом. И говорил Бульба тихо: «Добре, сынку, добре!» Но палач еще злее стал мучить Остапа, и тут дрогнула казацкая душа. И сказал Остап, глядя на врагов:

«Всё чужие, неведомые мне лица! Где ты, батько? Слышишь ли ты меня?»

«Слышу, сынку!» вдруг громко ответил Тарас Бульба.

Вздрыгнули паны, бросились искать Тараса, но его и след простыл!

Наслушается, бывало, Олег таких рассказов, выстрогает себе саблю, подбежит ко мне:

— Мамоchка, прощай! Я сейчас воевать иду!

«Врагами» были крапива и бурьян. С «войны» сын возвращался весь в царапинах и ожогах от крапивы. Он просил меня перевязать его, как будто то были настоящие раны.

В четыре года Олег умел уже читать и писать. Я сфотографировала сына. Он подарил фотографию бабушке и дедушке и написал на ней:

«Дорогим дедушке и бабушке на память от вашего единственного внука, здесь мне четыре года».

Он охотно писал письма своей тете Тасе и бабушке. Адрес на конверте, на горе почтальонам, надписывал тоже сам.